

МЕЧТАНИЯ О СТРАШНОМ СУДЕ

Независимая газ. — 1996. — 25 янв. — с. 7

«Нас нельзя напугать ничем, кроме красоты»,

— считает художник Борис Козлов

Игорь Шевелев

Рефлексия

- ВАС НЕ ПУГАЕТ работа над такими сюжетами?

— Божий суд — суд светлый, добрый, справедливый, радостный. Приносящий жизнь вечную, свободную, благодатную. В нем нет желания напугать, окоротить человека, это — явный и светлый предел жизни. Для меня картина Страшного суда — просвечивающий сквозь нее абсолютный Свет, добро, справедливость. Во всяком случае, это не тот «товарищеский и народный суд», к которому мы привыкли.

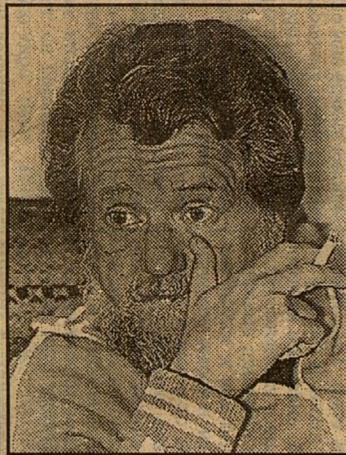
Долгое время мне казалось, что я знаю, как это надо писать, и не писал. Теперь — не знаю и, наверное, поэтому пишу. Но прежде, еще несколько лет назад, мы с моим другом питерским архитектором Александром Чистяковым буквально за несколько недель сделали проект храма. Храма Страшного суда, оказавшегося идеальной пространственной формой иконы, которую я хотел написать. Икона трансформировалась в нужный объем. Входя во храм, ты оказываешься внутри иконы, в светлом пространстве Страшного суда, идущего в церкви непрерывно. Вот святой Георгий, поражающий змея. Вот Христос с предстоящими Ему Богородицей, Иоанном Крестителем, с апостолами, которые — как весы, на которых решается твоя судьба. Входя внутрь, ты оказываешься в сфере освещения. Кто-то из моих знакомых назвал это «Храмом девяти дней», когда человеческая душа после земной смерти ждет последнего Божьего суда над собой. Живопись, повторяю, перешла в объем, в витражи, в светлое пространство.

— Каким образом вы искали манеру письма для картины?

— Когда два года назад я начал работу над картиной Страшного суда или, точнее, складнем из большой центральной части, окруженной живописными клеймами, то оказался в пространстве, где начал работать сам процесс живописного письма. То есть одновременно это оказался и «суд» над живописью, над различными стилями... Тут присутствуют и элементы модерна, и «сезаннизм», когда цвет представляет дематериализующуюся предметность, и элементы примитива, и реализм. Художнической же основой является, скорее, северная русская иконописная школа, потрясающая своей внутренней свободой.

В последовательности времен Страшным судом заканчивается человеческая история. Но в мистическом смысле Страшный суд идет постоянно, все время, с каждым из нас. Пространство души человека и есть поле. Решающей схватки добра и зла, Бога и дьявола, праведности и греха. Более того, именно здесь ты соединен с историей, и с вечностью, и с теми, кто живет сейчас, и жил прежде, и будет жить потом, ибо ты — единый человек, созданный Богом и ныне судимый им. Ты сам, первый и последний Адам, ежеминутно заслуживаешь и свое оправдание, и свое осуждение.

Для московского художника Бориса Козлова (р. 1937) как для человека православного, верующего это очевидно. Но поскольку он — живописец, то для него естественно изобразить это родное душе пространство очищения и надежды, моления и радости, «умозрение в красках». Весь свой путь живописца он рассматривает как подготовку к этой последней многолетней работе. Еще за 30 лет до ее начала друзья называли его «художником Страшного суда». И при этом его картины — праздничные, словно сотканые из множества драгоценных камней — живописные шитье. Страшный или Светлый суд? По крайней мере, сам художник считает — не товарищеский и не народный...

Борис Козлов.

— Это потребовало какой-то принципиальной внутренней ломки?

— Все мои предыдущие работы можно рассматривать как эскизы к этой последней работе... Мои родители были актерами, отец играл у Мейерхольда. Мне повезло, что я происхожу из православной семьи: дед был церковным старостой в церкви Воскресения в Сокольниках — там, где была сохранена икона Иверской Божией Матери...

— Вы ощущаете свою принадлежность к поколению?

— Как художник, я родился в 1957 году, когда Московский фестиваль молодежи и студентов открыл нам окно в мир, в том числе и в современную живопись. Тогда на меня буквально обрушился мир абстрактной живописи. Литературщина рассосалась, цвет зазвучал музыкой, я буквально услышал его как колокольный звон, в котором проглянул церковный купол. Это время любви к Пауло Клее, время хождения по музейным запасникам с хранениями там сокровищами Василия Кандинского, Павла Филонова, знакомство с вдовой Фалька, в салоне которой можно было увидеть и Натана Альтмана, и Анну

Ахматову, и рыжего Бродского...

Это начало 60-х, во мне зазвучал «колокольный цвет» и когда я начал писать луковицы храмов, старую архитектуру Прибалтики, Средней Азии, русского Севера. Если, говоря условно, можно стоять у дверей храма, можно войти в храм и можно быть в храме, то я тогда, как и многие мои знакомые, стоял у дверей.

— В такой ситуации есть опасность некой православной гордыни...

— К Богу идут постепенно. Многое зависит от времени, места, обстоятельств. Нужно отдавать себе в этом отчет и видеть волю Бога, а не людей. Праздновать это как свое личное достижение и есть из тех грехов, которые объединены словом «гордыня».

Как живописец, я иду от иконописного клейма, одновременно связывая его с самыми современными живописными течениями, когда, исходя из детали, доводит ее до состояния целого. То есть, беря клеймо, я начинаю его бесконечно увеличивать, словно проникая внутрь. Изначально задано и соединение натюрморта, пейзажа и жанра. Вспомним стол в рублевской «Троице», изображенный в обратной перспективе. Чем не постсезанновская живопись? Сидящие за ним три человека — вот жанр. За ними горы, деревья, развалины — чем не Рубенс? Все определяется лишь тем, как ты пропускаешь это через себя, через отпущенное тебе личное время. И тогда речь идет о твоём отношении к вечности, о твоём диалоге с Господом. И оказывается, что любое произведение искусства может иметь отношение к религии.

— А почему ваши черты Страшного суда — не страшные?

— Может быть, как раз за счет удивления человека и озаряет? Страшный суд — ошеломление и недоумение... Антихрист ведь будет красив, он маскируется и соблазняет. С другой стороны, чем нас сегодня можно напугать? Ничем, мы уже все видели! Разве что

от красоты только и может стать страшно. От Света Божьего, которого нам нельзя увидеть, от зрения благодати, которая, если она не дана тебе, — страшна!

— Истинность веры русского народа не безусловна... Здесь много чего намешано, в том числе и в представлениях о Страшном суде.

— Смысл православия — в отсутствии смерти. Все остальное — шедуха, путание суеверия с верой. Действительно, мы, «крещено-недокрещенные», часто учим других, как им верить, судим, ищем виноватых... Между тем святые просили Бога научить их вере, очистить для нее, помиловать, милостью Своей одарить! Это — святые, не мы... Мой «Страшный суд» еще и о том, что русский человек где-то глубоко-глубоко, в своем последнем мистическом подсознании не заботится об аде. Он и Страшный суд воспринимает на авось — даст Бог, обойдется, будет хороший конец. Поэтому остатками своего эхидного и паразитического ума я бы назвал то, над чем работаю, не столько Страшным судом, сколько «мечтаниями о Страшном суде». Наверное, это будет правильнее. А то, что мы реалистично воспринимаем все, что с нами случится и на том свете, так это тоже у нас в крови.

...Уже после создания нашего проекта храма Страшного суда я поехал в Израиль, ездил по Святым местам. Это было еще до начала регулярных туристических рейсов из России. И вот в Иерусалиме монахини из Свято-Сергиева, «белого», монастыря на Елеонской горе показали мне то место, где, по преданию, будет стоять Мессия, возвещая начало Страшного суда, и показали чертежи храма Страшного суда, который должен был быть там построен, но на строительство которого не хватало денег. Понятно, что меня это соевладение поразило. И эта православная церковка с Елеонской горы тоже будет на одном из клейм-картин моей работы. Поэтому что там будет всё...